

«Проблемные» дети — проблема взрослых

*Р. П. Дименштейн,
директор Центра лечебной педагогики
(Москва)*

Вы прочитали необычную книгу — рассказ мамы о воспитании девочки с синдромом Дауна. Книг о таких детях издается в нашей стране вообще мало, а те, что есть, написаны преимущественно специалистами — медиками и психологами. Рассказ же Каролины Филпс — это взгляд на проблему не со стороны, а изнутри; это непосредственный опыт родителей, осмысленный и изложенный ими самими. Поэтому в первую очередь настоящая книга интересна, конечно же, родителям, оказавшимся в подобном положении, но далеко не только им одним. Широкий круг затронутых в книге проблем — духовно-религиозных, нравственных, педагогических — делает ее значимой для самых разных читателей, в том числе и для тех, кто не занят непосредственно воспитанием «особых» детей.

Однако общезначимость данной книги связана еще с одним обстоятельством. Дело в том, что к самому синдрому Дауна можно отнести существенно по-разному. Первая позиция такова: это тяжелое врожденное заболевание, лечить которое современная медицина не умеет. Другая же позиция состоит в том, что данный синдром рассматривается скорее как физиологическая особенность, которой сопутствуют некоторые трудности развития. Первая позиция преобладает среди отечественных

специалистов, вторая — уже практически общепринята на Западе.

В чем же между ними разница? Дело в том, что если синдром Дауна — это неизлечимая болезнь, то и специалистам, и родителям остается лишь одно: опустить руки. Если же придерживаться второй позиции, т. е. концентрировать внимание на том, что основная особенность такого ребенка — его сравнительно медленное развитие, сопровождаемое трудностями в обучении, тогда ему можно помочь, подбирая специальные развивающие занятия.

Разумеется, постепенно и российское профессиональное сообщество уходит от устаревших взглядов. Тем не менее, поворот еще по-настоящему не произошел, и специалисты, как и раньше, описывают синдром Дауна следующим образом: «Заболевание впервые описано L. Down в 1866 г. Клинические проявления характеризуются выраженной умственной отсталостью, сочетающейся с рядом типичных аномалий строения... Большинство детей с болезнью Дауна не способны к обучению даже по программе вспомогательной школы... Как правило, дети с болезнью Дауна не достигают удовлетворительного уровня социальной адаптации и нуждаются в постоянной опеке» (Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1995).

Из книги Каролины Филпс отчетливо видно, что Лиззи, несмотря на все свои трудности, ничем не больна, что она оказалась вполне способной к обучению даже в обычной школе и в полной мере социально адаптировалась. Как следует из Дополнения, сейчас, когда Лиззи исполнилось семнадцать лет, она превратилась в образованную и общительную девушку, имеющую много друзей. Она смогла стать взрослой и самостоятельной не потому, что «вылечилась от синдрома Дауна», а потому, что ее родителям и учителям удалось сформировать у себя адекватные ожидания по отношению к развитию Лиззи и создать для нее соответствующую среду воспитания и обучения. При описанном в книге подходе нет необходимости делить детей на «больных» и «здоровых», так как внимание сосредоточивается на конкретных проблемах поведения и обучения, которые в той или иной мере есть у каждого ребенка.

Вообще, у родителей «особых» и «обычных» детей возникает немало сходных педагогических проблем — в том числе, и для тех, и для других воспитание своих детей неотделимо от самовоспитания. В этом отношении рассказ Каролины Филпс — яркое свидетельство того, что «борьба с собой» есть неотъемлемая часть борьбы за

своего ребенка. Будучи женой священника англиканской церкви и глубоко верующим человеком, Каролина в своем самовоспитании, порой даже в «самообуздывании», опирается на традиционные христианские ценности — и мы видим, что ее усилия не остаются без плода.

Стоит отметить еще одно достоинство данной книги. Даже самым что ни на есть благополучным детям и взрослым весьма полезно понимать проблемы, нужды и возможности «особых» детей — с тем, чтобы вести себя при встрече с ними достойно и человечно, навсегда избавясь от недружественных стереотипов общественного сознания. И тут настоящая книга предоставляет редкую возможность познакомиться с внутренним миром семьи, имеющей ребенка с врожденными нарушениями развития, — в этом смысле представленный в ней материал ценен уже самой своей информативностью.

А теперь хотелось бы сравнить нарисованную в книге картину с тем, что происходит в этой же сфере в нашей стране.

Каролина Филпс рассказывает, как была устроена жизнь английского ребенка с Даун-синдромом около двадцати лет назад. Мы видим некоторые недостатки этой системы: например, при выборе школы родители оказываются в определенной зависимости от политики местных образовательных властей. С тех пор в Англии произошли значительные изменения в лучшую сторону. Но нашей стране, к сожалению, и до того, что было в Англии двадцать лет назад, еще очень и очень далеко.

Наше общество вообще относится к людям с ограниченными возможностями крайне пренебрежительно. Их проблемы редко обсуждаются всерьез, их трудности остаются их собственным и больше ничьим делом, порой их просто не считают за людей. Все это — наследие тоталитарного мышления, ставшее составной частью менталитета современного общества. Вычеркнуть этих людей из своего сознания, а если возможно, то и из жизни — именно такое отношение к инвалидам всегда прививает тоталитаризм. И если в нацистской Германии умственно отсталых и психически больных просто уничтожали, то в сталинском Советском Союзе стремились упрятать в «спецучреждения», что зачастую превращалось в то же уничтожение, только не столь быстрое.

Один из критериев цивилизованности общества — это отношение к наиболее слабым его членам, в число которых входят дети с синдромом Дауна и вообще все дети с проблемами развития. И тут надо честно признать, что пока мы от своего тоталитарного наследия ушли не

слишком далеко. Слово «даун» и по сей день является в нашей стране нарицательным и обозначает не способного мыслить, чувствовать и адекватно воспринимать мир человека, от которого надо любыми способами избавиться: если удастся, то уничтожить до рождения, а если нет, то «освободить» от него родителей, запрятав в закрытый интернат подальше от людских глаз... Увы, здесь нет никакого преувеличения: целые государственные программы направлены на выявление детей с Даун-синдромом на ранних этапах беременности (нетрудно догадаться, зачем это делается); согласно статистике, подавляющее большинство новорожденных детей с Даун-синдромом оставляется родителями в роддомах; из этих «переданных» до 18 лет доживает примерно десятая часть — остальные умирают в специнтернатах.

На жизни детей с синдромом Дауна, попадающих в интернаты, и на том, как они там оказываются, стоит остановиться немного подробнее.

Сразу после рождения такого ребенка медперсонал роддома начинает активно уговаривать родителей, прежде всего мать, от него отказаться, рисуя мрачную картину его будущего: «Он ничего не будет понимать, никогда ничему не научится...» В некотором смысле они правы: если ребенок попадает в систему специнтернатов, он действительно почти не развивается и, как уже было сказано, зачастую достаточно скоро погибает. Те же, кто не умер в детстве, влачат крайне жалкое существование, переходя из одного спецзаведения в другое. Их жизнь ничем не наполнена, потому что они совершенно никому не нужны.

Немногие люди знают, что такое психоневрологический интернат, хотя подобных заведений много и в Москве, и в других городах. Туда почти никогда не заходят посторонние люди, а если это все же случается, то вошедший испытывает такие же тяжелые чувства, как при посещении тюрьмы или исправительного учреждения для уголовных преступников. И действительно, наши интернаты во многом напоминают тюрьмы или концлагеря: люди, которые там живут, полностью отрезаны от мира; у них нет никаких прав — например, они не могут по своему желанию перейти даже в другой интернат такого же типа; они полностью зависят от персонала — за плохое поведение их могут лишит свидания с родственниками, без необходимости поместить в психиатрическую больницу и т. п.

Отрыв от семьи и пребывание в интернате крайне тяжело сказываются на развитии любого ребенка, но для

детей с синдромом Дауна это просто катастрофа. Дело в том, что у таких детей эмоциональная сфера развита очень хорошо — в среднем даже лучше, чем у других людей. Поэтому и возможности их интеллектуального развития сильно связаны с тем, насколько теплой оказывается окружающая их эмоциональная среда. Этим детям особенно нужна любовь родителей, а не безразличное и «функциональное» отношение персонала. Кроме того, дети с Даун-синдромом очень многое перенимают от других, поэтому крайне важно, чтобы их окружали хорошо развивающиеся сверстники. Выделение же детей с синдромом Дауна в отдельные закрытые группы просто губительно для их развития.

Мы рассказали о судьбе детей, оставленных своими родителями. Но если даже родители не отдают своего малыша «на попечение государства», то негативное отношение окружающих к «ненормальному» ребенку и всей «ненормальной» семье создает свои проблемы — и прежде всего порождает их глубокую изоляцию, стремление спрятаться от общества как можно дальше. Понятно, что о естественной социализации такого ребенка и включении его семьи в общественную жизнь при этом не идет и речи.

Ну ладно, скажет читатель, пусть о естественной социализации говорить не приходится. Но неужели нет вообще никаких созданных обществом и государством механизмов помощи семьям, имеющим детей с синдромом Дауна? Полностью отрицательно на этот вопрос сегодня ответить уже невозможно. В последнее время появились родительские ассоциации, помогающие таким семьям, специальные центры, где занимаются с детьми, имеющими различные проблемы развития, в том числе и синдром Дауна; открылись и первые интегративные детские сады, в которых дети с проблемами развития воспитываются вместе с обычными детьми. Но, к сожалению, пока подобные организации действуют почти исключительно в крупных городах, таких, как Москва и Санкт-Петербург. Однако и там их крайне недостаточно, поскольку материальная поддержка государства минимальна, а без нее сделать можно немного. Вследствие этого, помощь такие организации могут оказывать только небольшой части детей (например, у нас, в Центре лечебной педагогики, записавшимся на первичный прием ожидать его приходится до полутора-двух лет).

Что же касается других регионов нашей огромной страны, то там семьи, воспитывающие ребенка с синдромом Дауна, вообще не получают практически никакой

помощи, если не считать инвалидной пенсии. В целом же отношение к таким детям варьируется в зависимости от местных национально-культурных традиций. Так, например, на Кавказе не принято ни отказываться от своих детей, ни уговаривать родителей это сделать. И интерна-тов там значительно меньше.

Теперь давайте посмотрим, какие возможности в нашей стране у ребенка с синдромом Дауна получить образование.

В обычные детские сады таких детей не принимают. Более того, их стараются не брать даже в специальные детские сады для умственно отсталых детей — настолько укоренилось среди специалистов мнение, что эти дети «неперспективны».

Независимо от уровня развития, у ребенка с синдромом Дауна практически нет шансов поступить в обычную школу. А если он отстает в развитии от своих сверстников, то ему и во вспомогательную школу попасть будет трудно: ярлык «даун» закрывает перед ним все двери. В результате такой ребенок нигде не учится и все время сидит дома.

Почему дети с синдромом Дауна не допускаются в обычную школу? Ведь туда принимают детей с самыми разными способностями и уровнем развития — одни потом становятся отличниками, другие троечниками, и это считается нормальным. Но детей с синдромом Дауна все боятся, как заразных больных.

На самом деле неверно, что в чисто интеллектуальном отношении любой «обычный» ребенок превосходит любого ребенка с синдромом Дауна. Действительно, средний интеллектуальный уровень детей с Даун-синдромом ниже общего среднего уровня, но внутри сообщества «обычных» детей имеются слои и группы (например, социально запущенные дети алкоголиков), средний интеллектуальный уровень которых *ниже*, чем у детей с Даун-синдромом. Однако никто не отказывает на этом основании другим детям (тем же детям алкоголиков) в праве учиться в школе. Складывается впечатление, что единственная причина, по которой детей с синдромом Дауна не берут в обычные школы и детские сады, — это те внешние особенности, по которым их все так легко узнают. Но ведь это все равно, что не брать в школу курносых или лопоухих!

Если бы детям с синдромом Дауна были предоставлены равные с другими возможности, а тем более — особая поддержка, то многие из них вполне могли бы

успешно оканчивать средние и даже высшие учебные заведения.

Заметим, что социальная изоляция детей с синдромом Дауна обедняет не только их жизнь, но и жизнь остальных детей, с которыми они могли бы вместе учиться. Мы уже говорили, что эмоциональная сфера у детей с синдромом Дауна часто бывает более развита, более гармонична, чем у других детей. Эти не вполне обычные дети обладают очень важными для поддержания здорового общения качествами: они создают в детском коллективе хороший эмоциональный климат, помогают формированию доброжелательных отношений, обладают развитым чувством справедливости, показывают пример благодарного отклика на доброе отношение. Исходящее от них влияние необходимо другим детям в любом возрасте, ведь выйти из школы с навыками гуманного отношения к окружающим не менее важно, чем освоить тригонометрию!

Оценим теперь, что в нынешней ситуации ждет детей с синдромом Дауна, когда они вырастают. Специальных рабочих мест для людей с особыми потребностями у нас почти нет. В больших городах им еще могут предложить клеить коробочки или свинчивать шариковые ручки, а в провинции обычно и того нет. Большинство мастерских для инвалидов в последние годы закрылись, так как не сумели выжить в условиях рыночной экономики, а помощи от государства не получили.

Возможностей для взаимного общения у таких людей тоже очень мало — правда, и в этом отношении есть некоторые улучшения. Например, в Москве появилось несколько отделений общины Жана Ванье «Вера и свет», в которую вместе с другими входят и люди с ограниченными возможностями. Но от остального общества люди с синдромом Дауна по-прежнему изолированы.

А как организована жизнь взрослых с Даун-синдромом и другими тяжелыми нарушениями развития на Западе? Эта тема осталась за рамками книги Каролины Филпс, поэтому поделимся собственными наблюдениями.

На нас очень сильное впечатление произвела шведская фабрика музыкальных инструментов в городе Йерна, на которой нам довелось побывать несколько лет назад. Все, кто работает на этой фабрике, за исключением нескольких руководителей, — люди с очень серьезными проблемами развития. Некоторые из них из-за психических и интеллектуальных трудностей не могут разговаривать, другие из-за физических нарушений сильно ограничены в движениях. Все эти люди вместе

делают деревянные флейты очень высокого качества, их изделия высоко ценятся музыкантами. Как же это достигается?

Дело в том, что у каждого человека, даже у человека с очень ограниченными возможностями, есть занятия, которые ему удаются и доставляют удовольствие. Люди, которые создали увиденную нами фабрику, ориентировались именно на это — для каждого, кто там работает, они сумели найти доступное и интересное занятие, и в соответствии с этим принципом построили весь процесс изготовления инструментов. Кто-то из работающих на фабрике может выполнять только очень простую операцию — просверливать отверстия при помощи специального станка, — зато он делает это очень аккуратно и не тяготится однообразной работой. Кто-то другой не любит сидячей монотонной работы, поэтому его дело — собирать и выносить опилки. На самом последнем этапе производства человек с серьезными психоневрологическими нарушениями, но с абсолютным слухом, окончательно корректирует звучание готовой флейты.

В каждой небольшой группе работающих есть руководитель. Он помогает тем, у кого что-то не получилось, учит начинающих, следит, чтобы люди не слишком уставали, и иногда предлагает кому-то сделать небольшой перерыв. Отношение руководителей ко всем, кто трудится на фабрике, очень доброжелательное. Все вместе — и работники, и руководители — стараются работать как можно лучше, потому что им очень нравится создавать хорошие и красивые музыкальные инструменты. Они знают, что кому-то эти флейты нужны, и стараются делать их так, чтобы каждому музыканту было приятно играть на таком инструменте. Все ждет, когда флейта будет готова, и в конце дня одни играют на только что сделанных инструментах, а другие их слушают. Флейты, сделанные на этой фабрике, пользуются большим спросом, и все работники зарабатывают деньги, что тоже немаловажно. На фабрику часто приходят гости — тогда производство ненадолго останавливается, и работники вместе с гостями пьют кофе и дружески общаются.

Все работающие на этой фабрике — выпускники специальных учебных заведений для людей с проблемами развития, где различные ремесла используются как один из видов терапии. Это дает педагогам возможность понять, какое занятие может впоследствии оказаться для данного ребенка основой профессиональной деятельности.

Если подытожить сказанное выше о ситуации в нашей стране, то приходится констатировать, что пока общест-

венная и государственная системы помощи детям с серьезными нарушениями развития и их семьям находятся у нас в самом зачаточном состоянии. Поэтому неудивительно, что те люди с Даун-синдромом, которых можно встретить на улице, выглядят странно и ведут себя неадекватно. Это не следствие их «болезни», а результат жестокого обращения с ними общества, которое поставило их в условия, препятствующие благоприятному развитию: им просто не дали научиться нормальному человеческому общению, никак не помогли «встать на ноги».

Как следствие, нам в своей педагогической практике много раз приходилось слышать от, казалось бы, вполне культурных людей с хорошим образованием следующий вопрос: «Неужели вы даже с „даунами“ занимаетесь? Но ведь от них же ничего нельзя добиться!»...

Настоящая книга показывает, что «добиться от них» можно многого. Лиззи уже в два года начинает ходить в местную игровую группу, в три — в обычный детский сад, а в пять лет ее берут в общеобразовательную школу. Там к ней прикрепляется специальная сестра-воспитательница, которая занимается с Лиззи дополнительно и следит, чтобы она не отставала от класса. В результате Лиззи приемлемо успевает по всем предметам и вполне адекватно общается с ровесниками.

Читатель, привыкший считать детей с синдромом Дауна неспособными к обучению, может подумать, что Лиззи среди них исключение, что-то вроде вундеркинда. Но это совсем не так. На Западе люди с синдромом Дауна, как и другие люди с ограниченными возможностями, работают, водят машины, играют в театре, некоторые из них оканчивают университеты. В книге «Современные подходы к болезни Дауна» (Ред.: Д. Лейн и Б. Стрэтфорд / Пер. с англ. М.: Педагогика, 1991) рассказывается про Найджела Ханта, написавшего книгу о своих путешествиях, и про Марка Райча, в пятнадцать лет завоевавшего золотую медаль на конкурсе бальных танцев. Оба они — люди с синдромом Дауна.

Несколько лет назад в Москву приезжали представители одной американской христианской общины, в которой проповедником был человек с синдромом Дауна, свободно владеющий несколькими иностранными языками. Этого человека нам довелось видеть самим.

Как же такое может быть? Ответом на этот вопрос является настоящая книга. Так почему же такого не бывает у нас?

Если заглянуть в отечественную историю, то мы увидим, что в прежние времена отношение к таким детям в России было гораздо более гуманным. В деревенской культуре все считали своим долгом опекать слабых и несамостоятельных, для каждого в патриархальном укладе находилось свое место. Нынешняя враждебность к таким людям не имеет корней в исконных российских традициях, и мы надеемся, что прежнее человеколюбие, пусть и постепенно, еще вернется в наше общество.

В этой связи уместно вспомнить о роли Церкви, ведь в любом обществе нравственность в решающей степени определяется поведением людей, верующих в Бога. К сожалению, у нас распространено мнение, что в поддержке нуждается прежде всего сама Церковь. Но в книге мы видим совсем иное: церковная община оказывает «проблемной» семье самую разнообразную помощь. Это и особый уход за детьми-инвалидами, обучающимися в обычных школах, и христианские летние лагеря, куда можно взрослым съездить вместе с детьми, и «Клуб ползунок», и церковный клуб для подростков «От семи до четырнадцати», и «Семейная служба», и посещения дома церковной молодежью, и, конечно же, самое прямое дело Церкви — молитвенная поддержка. Не случайно, как пишет автор, «для Лиззи церковь — место радости», т. е. не просто «утешения», как порой принято у нас считать, а место полнокровной и радостной жизни среди понимающих и любящих тебя друзей.

Сейчас жизнь людей с особыми потребностями, в том числе имеющих синдром Дауна, настолько отличается в странах Запада от жизни таких же людей в России, что может показаться, будто нам никогда не перешагнуть эту пропасть. Но, оказывается, и в западных странах положение этих людей до недавнего времени было ненамного лучше, чем у нас. По рассказам наших зарубежных коллег, ситуация, близкая к той, которая наблюдается сейчас в России, 30–40 лет назад имела место даже в таких развитых странах, как Англия, Швеция и Швейцария (вспомним эпизод, о котором пишет Каролина: «Помню, как однажды я видела по телевизору фильм о ребенке с синдромом Дауна. Родители покинули его, и он медленно угас в клинике, одинокий и никому не нужный»). Понятно, что этот фильм снимался не на российский материал...). Потом, в основном под давлением родительских ассоциаций, были приняты новые законы, дающие людям с особыми потребностями возможность получать образование и работать. Одновременно менялась и экономическая политика западных государств —

так, чтобы финансировались в первую очередь не интернаты, а родители, воспитывающие таких детей дома.

Надо сказать, что не последнюю роль в этих реформах сыграл и материальный фактор: оказывается, ничему не обученный и несамостоятельный инвалид, находящийся в специальном интернате, обходится государству (а значит, и налогоплательщику) значительно дороже, чем человек с такими же проблемами, живущий в семье при поддержке общественных организаций и государства.

Что касается нашей страны, то не следует думать, будто все изменения в системе помощи людям с проблемами развития упираются в нехватку средств. Наше государство выделяет весьма значительные финансовые ресурсы на нужды инвалидов, живущих в интернатах. Следует только сменить приоритеты и направить эти средства в первую очередь на поддержку семей, воспитывающих детей с проблемами, и организаций, в которых они смогут учиться и работать, находясь в семье. В этом отношении отечественная ситуация мало отличается от западной: по подсчетам специалистов, для государства это будет даже дешевле, чем содержание дорогостоящей системы интернатов. Если в начале своего существования эта система и имела какой-то смысл (интернаты возникали в периоды войн и политических переворотов, когда многие дети терялись или оставались без родителей), то сейчас ориентация на помещение каких-либо детей в закрытые учреждения, где они изолированы от общества, ничем не оправдана. И чем скорей мы сумеем изменить существующую систему, тем лучше.

Проблемы детей с особенностями развития нужно решать не только организационными усилиями, но и через изменение отношения к ним каждого человека. Раньше в России считалось, что трудности должны объединять людей, и если, например, у кого-то в семье случилось горе, остальные старались ему помочь. Сейчас наша страна переживает тяжелый духовный кризис, который проявляется и в том, что «благополучные» стремятся отделиться от «неблагополучных». И если у кого-то случилась беда, например сын попал в тюрьму или родился ребенок, который не может развиваться так же быстро, как другие дети, от этого человека «благополучные» стараются отвернуться, оставляя его один на один со своими трудностями.

Хотелось бы также сказать несколько слов о вопросе, который Лиззи задала своей маме, и который послужил названием всей книги: «Мама, почему у меня синдром Дауна?»

Кому-то данный вопрос может показаться простодушным: «Ребенок не понимает, что многое в этом мире происходит по воле случая». Однако этим же вопросом серьезно занимались «вполне взрослые» религиозные мыслители и философы: «Если в жизни есть смысл, и в действительности все происходящее — не случайно, то как же может быть, что человек, еще не успевший совершить каких-либо ошибок и преступлений, с самого начала обрекается на тяжелую жизнь с такими серьезными ограничениями?»

Все направления христианства, в рамках которого осмысляет эту проблему и автор, рассматривают страдания детей как часть общих страданий человечества, вызванных первородным грехом. Согласно такому взгляду, каждый человек наследует грех Адама и Евы, и поэтому всем людям приходится переносить лишения, страдания и болезни. Поскольку на некоторых, в том числе на детей с врожденными нарушениями, легла большая часть искупительного бремени, долг остальных людей — помочь им его нести.

Вопрос о причинах страданий людей, за которыми мы не знаем никакой вины — очень сложен, и человек, стремящийся в нем разобраться, столкнется с разными объяснениями. В традициях, ориентированных на осмысление судьбы каждого человека в отдельности (иудейской, индийской и др.), считается, что всякий живущий отвечает за свои собственные грехи. Вопрос о страданиях детей в этих традициях разрешается при помощи концепции перевоплощения душ: предполагается, что душа приходит на землю не один раз, и те трудности, с которыми человек сталкивается в нынешней жизни, являются результатом ошибок, совершенных им ранее. С другой стороны, все то, что испытывает человек в данной земной жизни, включая и пережитые им страдания, необходимо ему для духовного возрастания и достижения счастливой жизни в будущем. При этом каждый должен стремиться сделать все возможное, чтобы помочь своим ближним преобразовать перенесенное страдание в позитивный жизненный опыт. Подобные идеи нашли свое отражение и в работах ряда христианских богословов и философов — таких, как учитель ранней Церкви Ориген, один из основателей протестантизма Ульрих Цвингли, крупнейший немецкий мыслитель и ученый Лейбниц, известный православный философ Н. О. Лосский и др.

Однако каждому человеку, лично соприкоснувшемуся с этой проблемой, приходится решать ее самостоятельно, соглашаясь или не соглашаясь с существующими объяснениями. Вот что говорит об этом сама Каролина Филпс:

«Первые главы библейской Книги Бытия ясно говорят нам: когда люди отвернулись от Бога и решили идти своим путем, мир вокруг них изменился...

Все дурное в мире — страдания, болезни, боль, которую мы причиняем друг другу, — не создано Богом. Зло принесли в мир мы сами, когда отвернулись от Источника блага...

Я не верю, что Бог хотел, чтобы у Лиззи или кого-то другого были врожденные нарушения. Но Бог *позволил* этому случиться. Мы живем в несовершенном мире, где происходят самые разные вещи. Единственное, что мы можем сделать, — принять все происходящее, принять не как наказание от какого-то свирепого мучителя, а как дар любящего Отца. Если мы примем Лиззи как дар, Бог непременно изменит все наши обстоятельства к лучшему. В этом смысле — да, Бог создал Лиззи такой, как она есть».

Важные для себя мысли Каролина нашла в книгах Жана Ванье, который думает не только о том, почему дети страдают, но и о том, зачем существование таких детей нужно остальным людям. Жан Ванье считает, что люди с нарушениями пришли в наш мир, чтобы научить других доброте и милосердию, т. е. чтобы помочь остальным людям открыть для себя путь к спасению.

Свои размышления о причинах страдания детей Каролина Филпс завершает такими, очень важными на наш взгляд, словами: «На трудные вопросы не бывает легких ответов. Зачем нужно страдание — каждый понимает сам, в меру своего личного опыта и духовного роста. Мой путь был долгим и трудным, но в конце концов он привел меня к радости, душевному миру и благодарности Богу, давшему нам так много».

Очень хотелось бы, чтобы к подобным же плодам привел наших читателей и их духовный путь. Путь этот, правда, не общий, а личный, и достигнутые на нем успехи никак не связаны с тем, где живет человек — в России или на Западе...